

Успенский Михаил

В ночь с пятого на десятое

И пусть, как я сказал, учиться трудно, но еще труднее переучиваться, и особенно если ложь слушали многие годы и обманывались не только сами, но и отцы, и деды, и почитай все прежние поколения.

Дион Хризостом

Ложь предков не нужна потомкам. Вот именно то, что ложно, но не разоблачено, действительно «кошмаром довлеет» (Маркс) над умами и душой грядущих поколений.

Г. Куницын. Общечеловеческое в литературе

Говорение правды вслух

Честное слово, никого не трогал, просто включил телевизор. А оттуда и слышу.

— Сегодня по многочисленным просьбам зрителей и неоднократным требованиям времени наш традиционный сеанс ритмической гимнастики решительно отменяется. Вместо него предлагаем вашему вниманию новый комплекс упражнений по говорению правды вслух. Занятия ведет

заслуженный комментатор по общим вопросам Сигизмунд Пытько.

Появился на экране Сигизмунд Пытько — да вы его знаете. Если у него спросить, почему в городе Костроме общественный транспорт недружно ходит, он тотчас ответит, что по производству обувных изделий мы занимаем первое место в мире. А чтобы не был слишком резким переход от аэробики, надел Сигизмунд Пытько поверх брюк полосатые гетры.

— Добрый вечер, дорогие телезрители, — сказал он. — Сегодня мы разучим вводную часть нашего комплекса, которая называется «Начни с себя». Сядьте напротив зеркала и внимательно посмотрите себе в глаза. Сосредотачиваемся... Дайте своему лицу очень короткую характеристику. Нет, не физиономия, еще короче... Так, уже лучше. Побольше нелицеприятности. Самомнение резким движением мысли отбрасываем в сторону. Не выходит? Сосредотачиваемся и делаем еще раз. И два. И три. И четыре. Так, еще лучше, еще объективнее... Теперь расслабимся, помотаем головой...

Я помотал.

— Хорошо, — похвалил Пытько. — А сейчас переходим к деловым качествам. Сколько рабочего времени вы отдаете работе? Только честно! Час? Два? Три? Четыре? Пять? Шесть? Не увлекайтесь,

не лгите себе. Три — четыре. Три четыре. Будьте объективны. А сколько надо, не забыли? Семь — восемь, семь восемь... Быстрее, еще быстрее. Темп ударный, рывков старайтесь не делать, побольше ритмичности... Семь — восемь, семь — восемь... Так, достаточно, отдохнули, потрясли плечами...

Я потряс.

— Следующее упражнение — самооценка по отношению к спиртным напиткам. Непринужденной, друзья! Не стесняйтесь, кого стесняться — все свои. Сколько раз в неделю употребляете? Раз? Два? Три? Четыре? Смелее, смелее! Пять! Шесть! Семь! Понедельник! Вторник! Среда! Четверг! Пятница! Суббота! Воскресенье! Ну и кто вы после этого? Говорите, говорите! Так, теперь вместе с вашими домашними! Не обижаться! А сейчас быстро соразмерьте частоту употребления с вашим бюджетом! Девять — десять! Девять — десять! Ужас какой-то! Так, пошли к таксисту! Пятнадцать! Фигу! Два чирика! Два чирика! Хватит? Я тоже думаю — достаточно. Расслабились, вытянули руки, подрожали пальцами...

Я подрожал.

Следующее упражнение меня не касалось, а было про женатых людей и личную интимную жизнь. Потом Сигизмунд Пытько посоветовал каждому определить причину своего недовольства

жизнью внутри дома и устранить ее. На следующем занятии он обещал расширить границы говорения правды до соседей, попрощался и сгинул, а я призадумался.

Полжизни, считай, прожил, а так ничего и не понял, брожу, как в лесу... Здоровье есть, квартира есть... Семьи нет... Ага, и причина есть, устранения требующая!

Дело в том, что я не переносу, когда по мне ползают. В доме предостаточно места помимо меня. Еще больше не глянется мне, что ползают ночью. Я хочу спать. Спать и высыпаться. И уж совсем я не терплю, чтобы пили мою кровь.

Если их не будет, я смогу наконец жениться. Стыдно сказать, из-за них-то я и холостяжничаю. А то представьте себе: свадьба, шампанское, цветы, первая брачная ночь... И тут они выползают: вы нас не ждали, ну, а мы уже пришли! Из-за этого ведь интимная жизнь может черт знает как сложиться.

Ну, допустим, я женился. Допустим. Допустим, не удалось этим тварям помешать нам завести детей. И они этих невинных малюток... Сыпь по всему телу... Врачи не могут признать такой простой причины и лечат от неизвестных науке болезней, после чего у ребенка определяется аллергия на все лекарства разом... Слуга покорный!

Дуст — пройденный этап. Привыкли. Кипяток — переносят. Ну, ладно. Давно пора. Хватит либеральничать. Кончилась эпоха попустительства и развитого алкоголизма. Я на вас найду управу!

У подножия

Управу я нашел не сразу. Искал по телефонным справочникам, звонил в различные родственные учреждения. Никто не хотел брать на себя ответственность, говорили, что это не их профиль. Потом верные люди за пятитомник Берды Кербабоева назвали мне адрес.

Раньше, говорят легенды, Управа вся как есть умещалась в купеческом особняке стиля модерн. А сейчас для нее на том же месте выстроили восемнадцатизэтажную башню прогрессивным методом. Я глядел на башню и думал — тоскливо, поди, работникам Управы, сидят по два-три человека на этаже, в одном кабинете висит пальто, в другом шляпа, третий сам занимает. С тоской вспоминает свой особнячок и шар-бабу, которая стерла его с лица земли. Потом-то я узнал, что все не так.

Дверей было много множество, а открыта одна: угадай, какая. Угадал, перебравши все, но ходу мне в Управу не дали. Внизу на вахте сидели целых трое: бабушка из военизированной охраны, милиционер и солдатик. Они играли в карты. Бабушка налупила солдатика по носу колодой, а

потом спросила, какого хрена я здесь шляюсь. Я как мог объяснил свое дело. Бабушка несколько смягчилась, но отметила, что бичам всяким и богодулам тут нечего делать. Я показал документы. Бабушка сказала, что паспорт — не документ, а хреновина. Я выразил удивление. Милиционер и солдатик полезли из-за стола. Я поспешно вышел, встал на крыльце, закурил. Задрал голову и поглядел, какую махину собрался одолеть...

...Вдруг от стены отделился дяденька в ярко-оранжевом стеганом пальто. Такие пальтушки надевают на детей и альпинистов, чтобы не потерялись. Дяденька был взрослый, лицо же такое, что сразу видно: ни на какую гору он не полезет, а, наоборот, сам кого хочешь туда загонит. Дяденька курил трубку в виде своей же собственной головы, но запах дыма был вовсе не табачный.

— Колесников Геннадий Илларионович? — спросил дяденька.

— Да, — сказал я. — А откуда вы знаете?

— Я всех знаю, — устало сказал дяденька.

— А вы кто будете? — спросил я.

— Я-то? — сказал дяденька. — Я вообще какой-то странный: затеешься, бывало, подляну сотворить, а все это ко благу и обернется... А вы небось очень хотите туда попасть?

Я кивнул.

— Небось думаете — хорошо бы обежать все инстанции за один день?

— Отгул взял, — сказал я. — Конечно, не худо бы.

— А вам действительно **ОЧЕНЬ** этого хочется?

— **ОЧЕНЬ!** — сказал я.

Дяденька с грохотом выколотил трубку об ступеньки. Потом достал коробок хозяйственных спичек, стал обламывать им головки и этими головками снова набивать трубку.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Даю вам слово, что вы ни секунды не потратите на ожидание, никаких справок с вас не спросят. Все нужные вам люди будут на месте. Все часы будут для вас приемными.

— Вы, наверное, руководитель Управы? — обрадовался я и подумал: повезло, как в кино.

— Я-то? Нет, — засмеялся он. — Мои масштабы покрупнее, хотя структура, в сущности, та же, да и задачи... Но время вы некоторым образом сэкономите, и, смею вас уверить, это будет весьма солидное время, весьма...

— Да уж, — сказал я, поглядев на верхние этажи.

— Еще раз — вам **ОЧЕНЬ** этого хочется?

— **ОЧЕНЬ!** — вскричал я.

— Тогда говорите всем, что вы от Страмцова.